

М.М. Иоскевич
M.M. Ioskevich

**ВУЛЬГАРНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЖЕЙ
 В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XIX ВЕКА**

**VULGARITY AS A CHARACTERIZATION OF CHARACTERS
 IN THE LITERARY WORKS OF THE XIX CENTURY**

Статья посвящена раскрытию такой характеристики персонажей художественного произведения, как вульгарность. Цель статьи – на материале произведений русской и английской литератур XIX в. («Евгений Онегин» А. Пушкина, «Война и мир» Л. Толстого, «Первая любовь» и «Отцы и дети» И. Тургенева, «Гордость и предубеждение» и «Мэнсфилд-парк» Д. Остен) выявить авторские приемы изображения человека вульгарного, определить отношение к нему других персонажей. Эпитет «вульгарный» имеет латинское происхождение и исторически изменчивые коннотации, изначально обозначавший нечто простонародное, а впоследствии подразумевавший человека грубого, непристойного, пошлого, бестактного, с отсутствием вкуса. В художественных произведениях XIX в. вульгарность предстает как отрицательная характеристика, как правило, второстепенных персонажей, людей низкого происхождения с недостатком воспитания, которые оцениваются либо повествователем, либо героями из высшего общества. С помощью изображения вульгарности достигается противопоставление в системе персонажей, антиподами вульгарных людей предстают герои, строго придерживающиеся установленного в обществе кодекса поведения. Чертой, противоположной вульгарности, выступает естественность, которая, однако, является не натуральной (натуральная естественность вульгарна), а приобретенной этикетной условностью. Личное пространство подобных отрицательных героев также перенимает их личностную характеристику, выступая в качестве «анти-дома», который вместо спокойствия, уюта и гостеприимства предстает местом беспорядка, шума и безалаберности, тем самым утрачивая исцеляющую и эстетически умиротворяющую функции.

Ключевые слова: *вульгарность, характеристика персонажа, «Евгений Онегин», «Война и мир», «Первая любовь», «Отцы и дети», «Гордость и предубеждение», «Мэнсфилд-парк».*

The article studies the disclosure of such characteristics of the characters of a literary work as vulgarity, based on works of Russian and English literature of the XIX century. ("Eugene Onegin" by A. Pushkin, "War and Peace" by L. Tolstoy, "First Love" and "Fathers and Sons" by I. Turgenev, "Pride and Prejudice" and "Mansfield Park" by J. Austen). The purpose of the article is to discover the author's ways of depicting a vulgar person, to determine the attitude of other characters towards him. The epithet "vulgar" has a Latin origin and historically variable connotations, initially denoting something public, and subsequently implying a

person who is rude, obscene, vulgar, tactless, with a lack of taste. In the literary works of the XIX century vulgarity appears as a negative characteristic, as a rule, of minor characters, people of low origin with a lack of education, who are evaluated either by the narrator or by heroes from high society. With the help of the image of vulgarity, an opposition is achieved in the system of characters, the antipodes of vulgar people are heroes who strictly adhere to the code of conduct established in society. The feature opposite to vulgarity is naturalness, which, however, is not spontaneous (spontaneous naturalness is exactly vulgar), but an acquired etiquette convention. The personal space of such negative heroes also takes over their personal characteristics, acting as an "anti-home", which instead of calm, comfort and hospitality appears as a place of disorder, noise and chaos, thereby losing its healing and aesthetically pacifying functions.

Key words: *vulgarity, characterization, "Eugene Onegin", "War and Peace", "First Love", "Fathers and Sons", "Pride and Prejudice", "Mansfield Park".*

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-59-4-44-51

В современном мире под вульгарностью понимается грубость, непристойность, пошлость, отсутствие вкуса, бестактность. Исторические смыслы вульгарности детально рассмотрены О. Вайнштейн в книге «Денди: мода, литература, стиль жизни» [2]. Слово «вульгарный» происходит от латинского «vulgaris», означающего «общедоступный», «простонародный». Изначально эпитет «вульгарный» не содержал негативных коннотаций, которые начинают складываться только в XVIII в. с появлением буржуазной аристократии, соперничающей с аристократами по крови. «Письма к сыну» британского государственного деятеля, дипломата и писателя лорда Честерфилда, изначально не предназначенные для печати и изданные посмертно в XVIII в., вызвали широкий общественный интерес. В них автор раскрывает черты вульгарного человека, среди которых мелочность, сосредоточенность на собственной персоне и чрезмерная обидчивость, использование в речи пословиц и поговорок, неуместный костюм [10, 118]. Еще одной особенностью вульгарного человека является подражательность или искусственность поведения, что характерно для людей, лишенных должного воспитания и образования, но попавших в высший свет: «...все то, что явно заимствовано, становится вульгарным. Самобытная вычурность иногда бывает хорошего тона; подражательная – всегда дурного» [1, 364]. Несколькo в ином ключе трактует вульгарность Дж. Рёскин, английский писатель, художник и теоретик искусства: «...настоящая, врожденная вульгарность подразумевает ужасающую бесчувственность, которая становится источником всевозможных животных привычек, делает человека способным совершить преступление без страха, без удовольствия и сострадания. <...> вульгарность всегда соизмеряется с неспособностью к сочувствию, к быстрому пониманию, к тому, что совершенно правильно принято называть "тактом"» [6, 31]. Здесь представлены эстетическое и этическое отношение к вульгарности как отсутствию чувствительности, такта, впечатлительности.

В наши дни определение «вульгарный» используется как характеристика человека дурно воспитанного, не умеющего вести себя. Вульгарность проявляется в манере речи, которая может быть слишком громкой либо содержать слова и выражения, не употребляющиеся в определенном обществе, общении на неуместные для собеседников темы, неуместной жестикюляции, вычурном костюме. По мнению О. Вайнштейн, сюда можно добавить и чрезмерное любопытство к финансовым делам других, любовь к сплетням, жгучий интерес к частной жизни знаменитостей, раболепное копирование их вкусов [2, 186]. В произведениях XIX в. вульгарность является одной из значимых характеристик персонажа художественного произведения. Представляют интерес авторские пути ее раскрытия, а также отношение персонажей к людям, к которым может быть применен эпитет «вульгарный». Материалом исследования художественного воплощения вульгарности послужили произведения русской и английской литератур XIX в.

Самое известное литературное упоминание вульгарности в русской литературе – это отрывок из романа в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина, посвященный описанию светской манеры поведения Татьяны на балу, где происходит встреча с Онегиным: «Она была нетороплива, / Не холодна, не говорлива, / Без взора наглого для всех, / Без притязаний на успех, / Без этих маленьких ужимок, / Без подражательных затей... / Все тихо, просто было в ней...» [5, 452]; «Никто б не мог ее прекрасной / Назвать; но с головы до ног / Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / зовется *vulgar*» [5, 453]. Поэт раскрывает качества светского поведения Татьяны, противоположные тем, что предполагают упреки в вульгарности. Поведение героини предстает не искусственным (ведь именно нарочитая подражательность манерам вышестоящих в обществе делала человека вульгарным), а естественным, однако это с годами приобретенная естественность, своеобразная маска, за которой скрываются настоящая суть Татьяны, ее природная импульсивность, открытость. Если в письме юной Татьяны, не побоявшейся раскрыть Онегину свое сердце, «все наруже, все на воле» [5, 455], то княгиня, скованная светскими условностями, «так равнодушна, так смела» [5, 455], «покойна и вольна» [5, 456], перед взором Онегина она предстает «неприступною богиней / Роскошной, царственной Невы» [5, 459]. Ее поведение с Онегиным более чем сдержанно: «Порой одним поклоном встретит, / Порою вовсе не заметит: / Кокетства в ней ни капли нет – / Его не терпит высший свет» [5, 461]. Аффектация (жеманность, вычурность, неестественность) не приемлема в высшем обществе, однако и настоящей естественности здесь нет места, она будет расценена как нарушение приличий, отсутствие хороших манер. О. Вайнштейн пишет: «Предположим, что, по сути, "естественность" – это адекватность реакций в данном месте и в данное время. Подобная адекватность и будет благожелательно восприниматься окружающими как отсутствие "аффектации". А на самом деле за этим скрывается чисто этикетная условность, которая действует внутри данной социальной группы» [2, 184].

Выход в свет Пьера Безухова в романе «Война и мир» Л. Толстого лишен этой этикетной условности. На вечере в салоне Анны Павловны Шерер он вызывает беспокойство хозяйки своим несоответствием месту, наблюдательным и естественным взглядом, отличавшим его от других гостей. Он неучтив, поскольку не знает светских правил, не учитывает интересов собеседника: «Прежде он, не дослушав слов собеседницы, ушел; теперь он остановил своим разговором собеседницу, которой нужно было от него уйти» [7, 45]. Пьер неуклюж, рассеян, «не умел войти в салон и еще менее умел из него выйти» [7, 62], у него большие красные руки, выдающие в нем незаконнорожденного. Анне Павловне, следившей за равномерным течением вечера, не нравится разговор Пьера и аббата о политическом равновесии, поскольку оба «слишком оживленно и естественно слушали и говорили» [7, 51]. Его речь в защиту Наполеона переполняет чашу терпения фрейлины, вызывает неловкость у гостей. Анна Павловна испытывает тревогу за репутацию своего салона, в котором собирается «вся интеллигенция Петербурга» [7, 47]. Пьер оказывается чужим в этом обществе, будучи, однако, по мнению князя Андрея, единственным живым человеком в нем. Напротив, князь Ипполит, лицо которого отуманено идиотизмом и выражает самоуверенную брюзгливость, умеет держаться так, что никто не может понять, очень ли умно или очень глупо то, что он говорит. Присутствующие оценили светскую любезность князя Ипполита, когда он своим глупым анекдотом переключил внимание присутствующих с неприятной и нелюбезной выходки Пьера, осмелившегося открыто высказать свое мнение, не совпадающее с точкой зрения большинства. Впрочем, все переменялось с момента признания Пьера законным наследником отца, графа Безухова. Пьер осознает, что раньше все, о чем он говорил, предстало неприличным и бестактным, тогда как самые глупые речи Ипполита выходили умными и милыми. Теперь же все, что он ни делал, выходило «charmant» [7, 293]. Обладание Пьера отцовскими миллионами примиряет с ним высший свет, богатые люди не подвержены осуждению, их необычное

поведение скорее будет расценено как эксцентричность, чем вульгарность или невоспитанность.

В повести И. Тургенева «Первая любовь» шестнадцатилетний Владимир знакомится с семейством княгини Засекиной, живущим по соседству. Матушка Владимира получает письмо от знатной соседки, которое приходит на серой бумаге, запечатанной дешевым сургучом. Письмо написано безграмотным языком и неопрятным почерком, изобилует ошибками: «Я квам обращаюсь как благородная дама хблагородной даме, и при том мне прятно воспользоватца сим случаем» [9, 10]. Очевидно, что княгиня не знает французского языка, служившего основным средством общения аристократии. Отец Владимира в молодости был знаком с ныне покойным князем Засекиным, пустым и вздорным человеком, проигравшим все состояние и потому женившимся на дочери какого-то приказного. Следовательно, княгиня Засекина не имеет должного происхождения и воспитания, а также состояния, чтобы чувствовать себя ровней с людьми круга семейства Владимира. В глазах юноши, пришедшего передать приглашение матери, она предстает как простоволосая и некрасивая, с толстыми красными пальцами, в зеленом старом платье и с пестрой гарусной косынкой вокруг шеи. Засекина просит юношу быть без церемоний в ее доме, но эта «простота» вызывает у него чувство невольной гадливости, когда он окидывает взглядом ее «неблагообразную фигуру». Во время обеда, на который княгиня Засекина приглашена с дочерью, на ней надето то же самое домашнее зеленое платье, поверх которого накинута желтая шаль, и старомодный чепец с лентами огненного цвета. Кричащие цвета костюма раскрывают не только ее неумение одеваться, но и низкое происхождение. За столом она ведет себя бесцеремонно, не стесняясь, много ест и хвалит кушанья. Матушка Владимира признает в ней «une femme tres vulgaire» (женщину весьма вульгарную) и явно тяготится гостьей, отвечая ей с грустным пренебрежением. Однако вовсе не отвечать на письмо либо не пригласить в гости титулованную соседку было невозможно по правилам этикета. Узнав, что княгиня неровня им по происхождению, матушка Владимира еще до начала обеда заставляет сына сменить сургучок на куртку, поскольку ожидаемые гости не относятся к числу уважаемых людей, которые заслуживают того, чтобы к их приходу переодевались. Княгиня также обнаруживает недостаток воспитания, говоря о своих денежных затруднениях, открыто заявляя, что надеется на покровительство новых знакомых. Это было недопустимо в высшем обществе, во-первых, по причине низменности самого вопроса («у нее все какие-то тяжбы и дела – des vilaines affaires d'argent» (гадкие денежные дела) [9, 15]), а во-вторых, особенно за обедом, где предполагалось вести легкую развлекательную беседу, способствующую поднятию настроения и благоприятствующую принятию пищи: «оптимальным считалось обсуждение изящных предметов – старинных ковров, способов ухода за редкими растениями, литературных новинок» [2, 186]. Любопытно, что в современной Англии в хорошем обществе по сей день существует негласный запрет на профессиональные темы. Матушка очень недовольна частыми посещениями Владимиром семейства княгини, поскольку, по ее мнению, они люди не светские, и сыну незачем с ними знаться.

По контрасту с княгиней, ее дочь Зинаида, в которую влюблен Владимир, держится на обеде настоящей княжной, очень строго и почти надменно. Она одета и причесана как подобает – на ней легкое барежевое платье с бледно-синими разводами, а волосы падают длинными локонами вдоль щек на английский манер, что, по мнению Владимира, очень идет к холодному выражению ее лица. В отличие от матери девушка прекрасно изъясняется по-французски, изумляя чистотой произношения.

Из-за отсутствия манер княгиня не пользуется уважением также в глазах дочери, которая позволяет себе ее игнорировать, обращаясь к ней, впрочем, по-французски – «tatain». Чтобы избавить мать от необходимости криком подзывать горничную, Зинаида дарит ей колокольчик, однако княгиня им не пользуется. Ее «простота» доходит до того, что при госте она может почесать в голове под чепцом концом спицы. Засекина без тени

сомнения поручает Владимиру переписать для нее какую-то просьбу, желая, очевидно, сэкономить на этом деньги.

Дом княгини также вульгарен: он беспорядочен, с самой дешевой мебелью, полон сальных огарков, сломанных ножей и вилок. Слуги в семействе непрезентабельны, а еда отвратительна. С утра до ночи в доме раздаются крики и брань княгини, а по вечерам царит бесцеремонное буйство гостей Зинаиды. Владимир, воспитанный уединенно в степенном барском доме, опьянел, как от вина, от шума и гама, веселости и небывалых отношений с незнакомыми ему людьми. В свой первый визит он стал хохотать и болтать громче остальных так, что даже старая княгиня вышла на него посмотреть. В вульгарном доме чувствуется свобода во всем и вседозволенность. Ежедневное беспорядочное времяпрепровождение, чувство к Зинаиде, влюбленной в женатого человека, отравляют душу Владимира, впрочем, подобное происходит и с ее остальными гостями, что отражается на их поведении. Доктор Лушин предупреждает Владимира: «Разве вы не видите, что за дом?» [9, 30]. Он советует молодому человеку оставить ненужное знакомство и вновь приняться за подготовку в университет: «...здешняя атмосфера вам не годится. Вам здесь приятно, да мало чего нет! И в оранжерее тоже приятно пахнет – да жить в ней нельзя» [9, 30]. История связи отца с Зинаидой, по словам Владимира, старит его и накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь, хоть он находит в себе силы поступить в университет.

В романе И. Тургенева «Отцы и дети» противопоставлены два женских персонажа – Евдоксия Кукшина и Анна Одинцова, представляющих разительный контраст своим поведением и образом жизни. Евдоксия, по мнению Ситникова, – одна из первых «передовых» женщин, которая разъехалась с мужем и празднично проводит свою жизнь, будто бы занимаясь изучением наук и передовых социальных вопросов. Перед Аркадием и Базаровым она предстает несколько растрепанной, в не совсем опрятном шелковом платье. Выражение лица Евдоксии действует неприятно на собеседника, говорит и двигается она очень развязно и в то же время неловко, неумело подстраиваясь под образ добродушного и простого существа, каковым себя считает. Развязность манер, очевидно, является по мнению героини средством выражения естественности, новой модели поведения свободной женщины, не связанной светскими условностями. Однако, как отмечает повествователь, «что бы она не делала, вам постоянно казалось, что она именно это-то и не хотела сделать; все у нее выходило, как дети говорят – нарочно, то есть не просто, не естественно» [8, 151]. Нарочитое желание казаться естественной производит обратный эффект, вызывая отрицательное впечатление. Гостиная Евдоксии также «естественна», соответствует вкусу и удобству хозяйки, но утрачивает функцию главной комнаты в доме, где посетители должны почувствовать уют и гостеприимство. Она напоминает скорее рабочий кабинет, неряшлива, ведь здесь на запыленных столах валяются бумаги, письма и толстые номера русских журналов, большей частью неразрезанные, что говорит о том, что хозяйка их не читает, а также белеют разбросанные окурки папирос. Разговор с «передовой» Евдоксией лишен познавательности, она не в состоянии сосредоточиться на одном предмете и постоянно меняет тему разговора. Впрочем, Кирсанов и Базаров мало участвуют в обсуждении интересующих Евдоксию вопросов: «что такое брак – предрассудок или преступление? и какие рождаются люди – одинаковые или нет? и в чем, собственно, состоит индивидуальность?» [8, 154]. Завтрак сопровождается четырьмя бутылками шампанского, и Евдоксия, красная от выпитого вина, «стуча плоскими ногтями по клавишам растрепанного фортепиано» [8, 154], начинает петь сильным голосом цыганские песни и романсы. Кирсанов, устав от подобного времяпрепровождения, называет его Бедламом, и они вместе с Базаровым уходят, не попрощавшись. Вызывающие манеры Евдоксии не предполагают по отношению к ней джентльменского поведения мужчин. Они отказываются поддерживать с Кукшиной знакомство и на балу у губернатора, на который она явилась «безо всякой кринолины и в грязных перчатках, но с райскою птицею в волосах» [8, 155]. Безусловно, внешний вид Кукшиной вульгарен и является объектом насмешек. Хотя губернатор и

произносит при встрече с ней «очарован», это может быть расценено или как вежливость хозяина торжества по отношению к даме, или как скрытая ирония.

Разительный контраст с Кукшиной представляет Анна Сергеевна Одинцова, вдова из поместья Никольское. Кукшина и Ситников упоминают ее имя в разговоре с гостями, заявляя, что Одинцова – женщина без свободы воззрения, «еще не довольно развита». Однако на балу у губернатора осанка Анны Сергеевны исполнена достоинства, светлые глаза смотрят спокойно и умно, от лица веет ласковой и мягкой силой, «и движения ее были особенно плавны и естественны в одно и то же время» [8, 156]. Естественность Одинцовой, как и Татьяны Лариной, – это особый кодекс поведения, предполагающий отсутствие вызывающих черт, которые были бы осуждены обществом. Любопытно, что спокойное поведение Одинцовой так действует на Базарова, что он конфузится, начинает говорить преувеличенно развязно, развалившись в кресле не хуже Ситникова. Однако Одинцова понимает, что это из-за смущения, которое испытывает гость: «Одно пошлое ее отталкивало, а в пошлости никто бы не упрекнул Базарова» [8, 159]. Поместье Одинцовой устроено на английский манер, здесь царит образцовый порядок, который она сама неумолимо поддерживает и заставляет других ему подчиняться: назначено определенное время для приемов пищи, для отдыха и занятий делами, поскольку «в деревне нельзя жить беспорядочно, скука одолеет» [8, 159]. Базарову не нравилась эта торжественная размеренность жизни, однако им с Кирсановым потому и жилось так легко в поместье Одинцовой, что здесь все «катилось как по рельсам». Поместье Одинцовой противопоставлено дому Кукшиной, в котором царит неряшливость и разнузданность.

Вульгарен и приятель Кукшиной, Ситников, который, благодаря богатству отца, попал в высшее общество. У него прекрасные визитные карточки с именем, написанным по-французски с одной стороны и славянской вязью с другой, целый ворох модной одежды. Всеми силами молодой «прогрессист» старается походить на аристократов, но ему это плохо удается. Ситников рекомендует себя как старинного знакомого Базарова и ученика, однако его манера общения вызывает изумление и презрение у окружающих. Ситников нарушает негласные правила поведения, к примеру, сперва на балу, представляя Кирсанова малознакомой ему Одинцовой, затем приезжая к ней в гости в Никольское без приглашения. Впрочем, его трескучая болтовня разряжает напряженную обстановку, возникшую между главными героями: «Появление пошлости бывает часто полезно в жизни: оно ослабляет слишком высоко настроенные струны...» [8, 179].

Вульгарен родной дом Фанни Прайс, героини романа Д. Остен «Мэнсфилд-парк». Мать Фанни уронила себя в глазах родных, обвенчавшись, назло своему семейству, с моряком, лейтенантом без образования, состояния и связей. Девочку берут на воспитание в роскошное поместье ее тети, вышедшей замуж за баронета. Мэнсфилд-парк – это идеальное воплощение британского поместья, несущего функцию успокоения, убежища от внешнего разрушительного мира. Это место, где душа человека поддерживается и исцеляется. Понятие «Дом» для англичанина равнозначно понятию семьи. Мэнсфилд-парк – поместье, где царят незыблемые устои и правила поведения, здесь соблюдены приличия, и всем уделено внимание. Вернувшись в родной дом после многолетнего отсутствия, Фанни в полной мере начинает ценить атмосферу Мэнсфилд-парка и его обитателей. Родной же дом наполнен шумом и гамом, беспорядком и неприличием. Отец, невежественный моряк, невнимателен к своему семейству, помимо своей профессии он ничем не интересуется и ни в чем не сведущ. Он прямая противоположность дядюшке, сэру Томасу: «бранится, поминает имя Господа всуе и пьет, он неотесан и вульгарен» [4, 442]. Поведение отца – это не поведение джентльмена, с горечью осознает Фанни. Мистер Прайс едва замечает старшую дочь, разве что принимается топорно ее вышучивать. Поведение матери также разочаровывает девушку. Она не решает признаться себе в том, что ее маменька – «пристрастная, неразумная родительница, копуша, неряха, не учит и не держит в узде своих детей, дом ее дурно поставлен и лишен какого бы то ни было уюта...» [4, 443]. Во время своего пребывания в Портсмуте Фанни только и думает, что о Мэнсфилде, «о его милых

обитателях, о его радующих душу обыкновениях» [4, 444]. Жизнь в Мэнсфилде – это само изящество, благопристойность, размеренность, гармония, мир и спокойствие. Там никогда не слышно перепалок, повышенного тона, грубых вспышек, малейшего ожесточения, жизнь идет упорядоченно, чувства каждого принимаются во внимание. В родном доме, напротив, все шумливы, все требуется криком, двери вечно хлопают, никто не сидит тихо. Портсмутское общество, круг знакомых, также не соответствует ожиданиям Фанни. На ее взгляд, «все мужчины были грубы, все женщины развязны, и те и другие дурно воспитаны» [4, 448].

Мать Фанни, родом из благородной семьи, из-за своей врожденной вялости характера опускается до уровня отца, вульгарность которого является не столько следствием низкого происхождения, сколько недостатком образования, нежеланием совершенствоваться: «...читает он единственно газету да списки военно-морских офицеров, назначенных в кампанию, выходящие раз в три месяца; разговаривает только о доках, о гавани» [4, 442].

В романе Д. Остен «Гордость и предубеждение» поведение семьи Беннет вызывает презрительное отношение аристократа мистера Дарси, который хоть и не называет его напрямую вульгарным, шадя чувства Элизабет, однако дает ему весьма точную характеристику. На балу в Незерфилде миссис Беннет громким шепотом, который слышат все, находящиеся рядом, предсказывает будущую свадьбу своей старшей дочери Джейн с мистером Бингли. Обсуждение столь интимного предположения до объявления помолвки, безусловно, выдает дурные манеры миссис Беннет, воспитание которой тоже оставляло желать лучшего, поскольку ее отец был стряпчим. Ее основная жизненная цель – выдать дочерей замуж – приводит к массе уловок в погоне за женихами, что с легкостью распознается окружающими. Отец Элизабет, хоть и является джентльменом по происхождению, однако не является таковым по поведению, и прежде всего по отношению к собственной жене, к которой он постоянно обращается с изысканной издевкой, без должного уважения. Он лишен чувства такта, что также обнаруживается на балу в Незерфилде, когда он громко предлагает Мэри прекратить музицировать. Кузен Элизабет, мистер Коллинз, нарушает правила этикета, осмелившись напрямую заговорить с мистером Дарси, не будучи представленным. Именно мистер Дарси, занимающий более высокое общественное положение, должен был сделать первый шаг к знакомству, если в том была необходимость. Элизабет досадно видеть своего родственника в столь комичном положении перед мистером Дарси, который смотрит на молодого священника с нескрываемым изумлением и отвечает очень холодно, хотя содержание его речи весьма учтиво – он не сомневается, что благосклонностью леди Кэтрин могут пользоваться только истинно достойные люди. Бал в Незерфилде вызывает в душе Элизабет гжучее чувство стыда: «...если бы все члены ее семейства нарочно сговорились выставить в этот вечер напоказ свои недостатки, им едва ли удалось бы выполнить это с большим блеском и добиться более значительного успеха» [3, 108]. Полюбив Элизабет, мистер Дарси осознает, с какого рода людьми ему предстоит породниться. И, по его утверждению, проблема заключается не в низком происхождении, а в полном отсутствии такта, характерном для всего семейства, за исключением старших мисс Беннет.

Таким образом, художественное воплощение вульгарности достигается посредством негативного изображения телесности и костюма персонажей, их поведения в обществе. Вульгарными предстают как люди низкого происхождения, не получившие достаточного воспитания, так и те, кто сознательно нарушает правила приличия. В системе персонажей вульгарные люди относятся к разряду второстепенных. Такая характеристика, как вульгарность, выступает антитезой естественности (условного кода поведения) при изображении кодекса поведения в высшем обществе, активно участвуя в противопоставлении персонажей. Очевидно отрицательное восприятие таких персонажей другими героями, они способны вызывать разнообразный спектр чувств, в том числе и у читателя: изумление, презрение, обиду, стыд, смех и т.п. Зачастую личное пространство персонажей также несет признаки вульгарности, раскрывая образ «анти-дома», где нарушены исцеляющая и эстетически умиротворяющая функции. Посредством

изображения вульгарности достигается авторское раскрытие комического, сатирического и безобразного.

1. Бульвер-Литтон Э. *Последние дни Помпей. Пелэм, или приключения джентльмена*. М., 1988.
2. Вайнштейн О.Б. *Денди: мода, литература, стиль жизни*. М., 2017.
3. Остен Д. *Гордость и предубеждение. Нортенгерское аббатство*. М., 2006.
4. Остен Д. *Мэнсфилд-парк*. М., 2005.
5. Пушкин А.С. *Звезда пленительного счастья: стихотворения, поэмы, роман в стихах*. М., 1989.
6. Рёскин Д. *Теория красоты*. М., 2016.
7. Толстой Л.Н. *Война и мир: Т. 1, 2*. М., 1983.
8. Тургенев И.С. *Накануне. Отцы и дети*. М, 1980.
9. Тургенев И.С. *Первая любовь // Повести о любви: сб. в 2 т. Т. 2*. Минск, 1975.
10. Честерфилд. *Письма к сыну. Максимум. Характеры*. Л., 1971.